

ЭВОЛЮЦИЯ МЕСТОИМЕННОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

Якубова Мунаввар Исмаиловна

*Преподаватель кафедры русского языка
и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Юлчиева Нозима

*Студентка 3 курса Самаркандского
государственного педагогического института*

Аннотация: Данная статья посвящена диахроническому анализу местоименной системы русского языка как динамической структуры, претерпевшей радикальные изменения от праславянской эпохи до современности. В работе исследуется процесс редукции падежных форм, становление категории вежливости и функциональная перестройка указательных местоимений, ставших фундаментом для формирования артиклетиповых конструкций в древнерусский период. Автор акцентирует внимание на переходе от синтетизма к аналитическим тенденциям в репрезентации дейксиса.

Abstract: This article is devoted to a diachronic analysis of the pronoun system of the Russian language as a dynamic structure that has undergone radical changes from the Proto-Slavic era to the present. The work examines the process of reduction of case forms, the formation of the category of politeness and the functional restructuring of demonstrative pronouns, which became the foundation for the formation of article-like constructions in the Old Russian period. The author focuses on the transition from synthetism to analytical tendencies in the representation of deixis.

Ключевые слова: местоимение, дейксис, история русского языка, грамматикализация, личные местоимения, указательные местоимения.

Keywords: pronoun, deixis, history of the Russian language, grammaticalization, personal pronouns, demonstrative pronouns.

Развитие местоименной системы русского языка представляет собой не просто формальную смену морфем, а глубокую философскую перестройку способов самоидентификации субъекта в пространстве и времени. Если рассматривать древнерусский текст как живой организм, то местоимение в нем выполняет роль нервных окончаний, связывающих говорящего с контекстом. Изначально система личных местоимений 1-го и 2-го лица (я, ты, мы, вы) характеризовалась отсутствием категории рода, что подчеркивало их чисто

дейктическую природу — указание на участников акта речи. Однако наиболее интригующим аспектом является история местоимения третьего лица. В древнерусском языке, как отмечает академик В. В. Виноградов в своих трудах по истории слов, личного местоимения третьего лица в современном понимании не существовало. Его функции выполняли указательные местоимения и, я, е, которые сегодня сохранились лишь в виде косвенных падежей (его, ему, им).

Этот процесс можно сравнить с архитектурной перестройкой: старый фундамент указательности стал опорой для новой категории персональности. Переход от «тот, о ком говорят» к «он» знаменовал собой шаг к абстрагированию личности от физического пространства. Интересно, что в памятниках древнерусской письменности мы видим, как формы и, я, е постепенно вытеснялись формами местоимения онъ, она, оно, которые изначально указывали на объект, максимально удаленный от говорящего. Как тонко подмечал лингвист Б. А. Успенский, это движение отражает сакральную дистанцию: в древних текстах «он» — это часто кто-то, находящийся за пределами непосредственного круга общения, почти потусторонний объект. Особого внимания заслуживает исчезновение двойственного числа. К XIV веку система, включавшая формы вѣ (мы двое) или ва (вы двое), начала стремительно упрощаться. Литературные памятники того времени, такие как «Задонщина», демонстрируют нам это переходное состояние, где формы двойственного числа еще всплывают как реликты былой точности, но уже поглощаются мощной стихией множественности. Это упрощение не было потерей; это была оптимизация когнитивных ресурсов языка. Трансформация категории «Вы» как формы вежливого обращения к одному лицу — явление более позднее, связанное с петровской эпохой и влиянием западноевропейского этикета. Исследователи указывали на то, что «выканье» насаждалось сверху как элемент светской культуры, входя в конфликт с исконной русской традицией «тыканья», которая не несла в себе оттенка фамильярности, а была знаком равенства перед Богом и законом¹.

Эволюция указательных местоимений в русском языке — это история постепенного сужения трехчленной системы пространственной ориентации до двухчленной. В древнерусский период дейксис (указание) был более дробным и детальным. Существовала четкая триада: съ (указывало на предмет, находящийся в непосредственной близости от говорящего, буквально «в руках»), онъ (указывало на максимально удаленный предмет) и тъ (занимало промежуточное положение или указывало на предмет, связанный с собеседником). В своих исследованиях историк языка К. В. Горшкова, эта система была пронизана

¹ Успенский Б. А. Семиотика истории. Семиотика культуры. — М.: Языки славянской культуры, 1994.

антропоцентризмом. Человек был точкой отсчета, от которой кругами расходилось пространство. Однако со временем категория близости (сь) начала отмирать, оставив после себя лишь осколки в виде наречий «сегодня» (сей день), «сейчас» или официального «сию минуту». В художественном пересказе концепции Горшковой можно представить это как «схлопывание» личного пространства языка: то, что было «совсем рядом», слилось с тем, что «просто находится в поле зрения». Местоимение этот, возникшее как усиленная форма, вобрало в себя все смыслы ближнего круга².

Интереснейшим процессом является использование указательных местоимений в роли артиклей. В древнерусских памятниках, таких как «Повесть временных лет», мы часто встречаем постпозитивное употребление местоимений (князь ть, река та). Такое употребление служило не просто для связи слов, а для выделения «известного», «уже упомянутого» героя. Это была попытка языка создать категорию определенности, схожую с германскими или романскими артиклями. Однако русский язык в итоге выбрал иной путь развития — лексический и интонационный, отказавшись от грамматикализации артикля, что сделало нашу местоименную систему более гибкой, но менее формализованной. Параллельно развивалась система притяжательных местоимений (мой, твой, свой, наш, ваш). Уникальность русской системы здесь заключается в местоимении свой. В отличие от многих индоевропейских языков, где притяжательность жестко привязана к лицу (his/her/their), русское свой обладает универсальной референцией, способной относиться к любому грамматическому лицу. Эта «эгоцентричность» действия, когда субъект присваивает объект вне зависимости от своего числа или рода, стала одной из важнейших черт русской ментальности, отраженной в грамматике.

Притяжательные местоимения в русском языке прошли путь от обозначения юридической собственности до передачи тончайших эмоциональных оттенков. В классической литературе XIX века, мы видим, как «мой» начинает использоваться не как маркер владения, а как маркер интимной близости и сопричастности. Это «одомашнивание» грамматики превратило сухие указатели в инструменты психологического анализа. Трансформация вопросительных и относительных местоимений (кто, что, который) также претерпела изменения. В древности границы между вопросом и связью предложений были размыты. Местоимение иже, выполнявшее функцию «который» в церковнославянских текстах, со временем было вытеснено более живым и гибким который. Это вытеснение знаменовало победу разговорной,

² Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. — М.: Высшая школа, 1981.

народной стихии над книжной традицией. Если же фиксировало догмат и вечность, то который привнесло в текст динамику выбора и индивидуализации.

Формирование неопределенных и отрицательных местоимений в русском языке — это процесс, который лингвисты часто называют «грамматикализацией незнания». В древнерусский период категория неопределенности была развита слабо; язык тяготел к конкретике. Однако по мере развития абстрактного мышления возникла необходимость в дифференциации типов неизвестности. Так появились префиксы и постфиксы, которые мы используем сегодня: то, -либо, -нибудь, кое-. Эти частицы распределяют сферы человеческого опыта. Выбор между «кто-то» и «кто-нибудь» — это выбор между верой в существование конкретного, но неизвестного лица, и полным допущением любой возможности. Частица -то генетически восходит к указательному местоимению *тъ*, словно говоря: «объект существует, он определен, но я его не назову». В то время как -нибудь (от «будь чтонибудь») подчеркивает безразличие выбора.

Отрицательные местоимения (никто, ничто) также прошли путь долгого становления. В древних текстах отрицание часто выражалось описательно. Становление префикса *ни-* как обязательного компонента произошло под влиянием тенденции к двойному отрицанию, характерной для славянских языков («никто не пришел»). Это создает особую «энергию пустоты» в русском предложении, где отрицание усиливается, а не нивелируется, как в логических системах западных языков. Как отмечал лингвист В. В. Виноградов, эта избыточность служит целям экспрессии, превращая отсутствие субъекта в активный грамматический факт. Интересна судьба местоимения *который*. Первоначально оно имело вопросительное значение («который из многих?»), но постепенно стало главным связующим звеном в сложноподчиненных предложениях. В текстах XVIII века, когда русский синтаксис подстраивался под латинские и французские образцы, *который* стало тяжеловесным инструментом «периодической речи». Позже, в пушкинскую эпоху, его использование стало более экономным, что позволило русской прозе обрести легкость. Критики и филологи подчеркивали, что местоимение в художественном тексте — это точка пересечения автора и читателя. Когда автор говорит «мы», он создает пространство сопричастности. Эволюция этого «мы» — от княжеского «Мы, великий князь» (множественное величества) до лирического «мы» поэтов Серебряного века — отражает изменение самоощущения личности в истории. Местоимение перестает быть просто указателем, оно становится маской, позицией, манифестом. Исследование местоименной системы было бы неполным без обращения к народным говорам, которые являются «сокровищницей живого языка». В то время как литературная норма стремилась

к унификации и упрощению, диалекты сохранили архаические черты, позволяющие нам буквально «услышать» древнерусский язык³.

В северных говорах до сих пор прослеживаются следы постпозитивных указательных местоимений, функционирующих почти как артикли: дом-от, изба-та, окно-то. Если в литературном языке частица -то стала маркером неопределенности или эмфазы, то в диалекте она сохранила свою первичную природу — указание на предмет, уже известный собеседникам. Они создают особую ткань повествования, где мир жестко структурирован на «свое» и «чужое». Северный крестьянин, добавляя к слову «от», словно ставит на него печать физического присутствия. Особый интерес представляет судьба местоимения се. В древнерусском языке оно служило указанием на настоящее время или место («Се азь...» — «Вот я...»). В официально-деловом стиле Московской Руси XV–XVII веков это местоимение стало фундаментом юридической точности. В челобитных и указах использование местоимений носило избыточный характер. Это делалось для того, чтобы исключить любую двусмысленность: «тот вышеупомянутый холоп», «сие данное дело». Местоимение в юридическом тексте выполняло роль логического замка. Оно «привязывало» объект к субъекту так плотно, что исключало возможность подмены. Трансформация вопросительного местоимения чей в притяжательное также заслуживает внимания. В народной речи мы часто слышим формы вроде «чейный» или «евонный». С точки зрения литературной нормы это ошибки, но с точки зрения истории языка — это попытка системы восстановить симметрию. Если есть «мой» и «твой», то почему нет «егоный»? Языковая интуиция народа стремится к единообразию склонения, которое было нарушено в процессе гибели древних местоименных основ.

Список использованной литературы:

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Художественная литература, 1975. — 504 с.
2. Виноградов В. В. История слов. — М.: Толк, 1994. — 1138 с.
3. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1959. — 492 с.
4. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. — М.: Высшая школа, 1981. — 359 с.
5. Касаткин Л. Л. Современная русская диалектология. — М.: Академия, 2005. — 288 с.

³ Виноградов В. В. История слов. — М.: Толк, 1994.